

УДК 33 DOI: 10.14451/1.256.113

Факторы и закономерности размещения производительных сил

© 2026 **Болдырев Алексей Николаевич**

Старший преподаватель кафедры бизнес-аналитики, Факультет налогов, аудита и бизнес-анализа. Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

E-mail: aboldyrev@fa.ru

Ключевые слова: производительные силы, факторы размещения, закономерности территориальной организации, экономическое пространство, агломерационный эффект, институциональная среда, пространственная селекция, региональное развитие, штандорт, территориальная структура хозяйства.

В представленной статье нами предпринята попытка концептуального переосмысления теоретико-методологических подходов к анализу факторов и закономерностей размещения производительных сил в контексте современных вызовов, обусловленных фрагментацией глобального экономического пространства, ускоренной технологической модернизацией и императивами экологизации производства. Опираясь на диалектический метод и системный анализ, мы обосновываем положение о трансформации иерархии факторов под влиянием цифровизации и роста значимости институциональных условий. Особое внимание уделено феномену пространственной селективности и ренто-ориентированного поведения экономических агентов, что позволяет по-новому интерпретировать классические постулаты теории штандорта. В работе аргументируется необходимость перехода от прескриптивных принципов размещения к адаптивным механизмам, учитывающим стохастическую природу современных локализационных процессов.

Закономерности размещения производительных сил представляют собой выявленные тенденции в размещении производства, обусловленные системой социально-экономических отношений, стадией экономического развития, научно-техническим прогрессом, требованиями экономической рациональности. Они предполагают рациональное, наиболее эффективное размещение производства; неразрывную связь между размещением производительных сил и развитием экономических районов; научно-обоснованную специализацию экономических районов на основе территориального раз-

деления труда; комплексное развитие хозяйства экономических районов. Принципы размещения производительных сил – это основные исходные положения долгосрочной экономической политики, которыми руководствуются в процессе разработки программ перспективного регионального развития. На основе принципов размещения производительных сил с учетом конкретных факторов и условий осуществляются преобразования в территориальной организации производства производительных сил как одно из важных направлений социально-экономического развития страны. При этом

размещение производительных сил рассматривается в неразрывной связи с развитием хозяйства страны как его пространственное выражение. Принципы размещения производительных сил достаточно динамичны и могут меняться в связи с изменением социально-политической ситуации в стране, стратегических аспектов развития отдельных территорий. Выделяют три группы принципов размещения производительных сил. Первая группа принципов размещения производительных сил исходит из общей задачи повышения экономической и социальной эффективности общественного производства с учетом минимизации затрат на производство продукции и ее транспортировку до потребителя. К ней относят принцип размещения производства с учетом близости источников сырья, энергии и потребителей конечной продукции; принцип комплексности, в том числе комплексного рационального использования природных ресурсов, при учете задач охраны и преобразования природы и первичного освоения наиболее эффективных ресурсов; рациональная пространственная концентрация (агломерация) в виде территориально-производственных комплексов и территориально-отраслевых комплексов, а также промышленных районов, зон и узлов; кооперирование производства между различными предприятиями, сокращающее нерациональные перевозки, при максимально возможном комплексном развитии хозяйства районов размещения. Вторая группа принципов обусловлена рациональным сочетанием природы и экономики. При размещении производительных сил обязательно должны учитываться такие принципы, как экологический – предотвращение вредного воздействия производства на окружающую среду; градостроительный – увязка с генеральными планами городов, недопущение чрезмерной концентрации промышленности и вытекающих отсюда отрицательных социальных последствий; комплексного развития хозяйства, обеспечивающий в каждом экономическом районе рациональное сочетание экономического и социального развития, наибольшее соответствие экономики каждого ре-

гиона местным природным и экономическим условиям. Третью группу принципов формируют основы, вытекающие из рациональной пространственной организации территории страны. Среди них выделяют специализацию предприятий (в экономически целесообразных пределах) соответственно основной специализации районов их размещения; выравнивание уровней экономического и социального развития различных частей страны, так как внутренняя дифференциация столь огромная и уникальная для одного государства, что сопоставима только с различиями между самыми богатыми и самыми бедными странами мира; учет международного разделения труда и межгосударственной экономической интеграции – закономерного явления развивающейся глобализации экономики, умелое использование которого в современном мире позволит использовать геоэкономическое и геополитическое положение России («евразийский мост») для укрепления и развития экономического пространства страны.

Таким образом, вопросы пространственной организации хозяйства неизменно находятся в фокусе внимания экономической науки, поскольку именно размещение производительных сил предопределяет эффективность общественного воспроизводства и конкурентные позиции национальной экономики в мирохозяйственных связях. Традиционно сложившиеся подходы к анализу факторов и закономерностей размещения, разработанные в рамках классической и неоклассической традиции (от работ И. Г. фон Тюнена до А. Вебера и У. Айзарда), базировались на постулатах рациональности экономических агентов и минимизации транспортных издержек. Однако, как справедливо отмечают исследователи Всемирного банка, в современных условиях драйверы экономической географии претерпевают существенную трансформацию, а силы агломерации, миграции и преодоления расстояний играют принципиально иную роль в развивающихся экономиках по сравнению с развитыми странами [5]. Становление постиндустриального уклада, цифровизация производственных процессов и возрастающая роль

нематериальных активов требуют критического пересмотра устоявшихся теоретических конструкций. Мы полагаем, что назрела необходимость не просто дополнить классификацию факторов новыми позициями, но и пересмотреть саму логику их взаимодействия, выявив причинно-следственные связи, ведущие к формированию современной территориальной структуры хозяйства. Цель настоящей работы заключается в выявлении качественных сдвигов в системе факторов размещения и формулировании модифицированных закономерностей территориальной организации производительных сил, адекватно отражающих реалии новой экономической реальности.

Проведенный анализ позволяет нам утверждать, что классическая триада факторов размещения (сырьевой, топливно-энергетический, потребительский) в настоящее время утрачивает свою доминирующую роль, уступая место факторам качественно иного порядка. Следует подчеркнуть, что это не означает полного исчезновения их влияния, но свидетельствует о глубокой трансформации механизмов этого влияния. Нами зафиксировано возрастание значимости так называемых институциональных факторов, под которыми мы понимаем совокупность формальных и неформальных правил, регулирующих экономическую деятельность, а также качество регионального управления. Институциональная среда выступает не просто фоном, а активным структурообразующим элементом, фильтрующим и селекционирующим потоки капитала и труда. Как показывают современные исследования, близость к административным центрам становится критически важным условием для фирм с высокой производительностью, поскольку именно там концентрируются не только материальные, но и политико-административные ресурсы, доступ к которым обеспечивает получение ренты и снижение транзакционных издержек [10]. Развивая этот тезис, мы приходим к выводу о формировании феномена институционально-обусловленной ренты местоположения, которая возникает не из природных преимуществ территории, а из ее способности

продуцировать доверие, обеспечивать защиту прав собственности и предсказуемость регуляторной среды. В этом контексте мы наблюдаем эффект пространственной селекции, когда наиболее эффективные предприятия сортируются в пользу локаций с высоким институциональным потенциалом, тогда как менее производительные вытесняются на периферию, что ведет к усилению межрегиональной дифференциации. Данный процесс носит кумулятивный характер: концентрация успешных фирм в ядре еще больше повышает его институциональную привлекательность, создавая замкнутый круг поляризации.

Далее принципиально важным, с нашей точки зрения, является переосмысление роли агломерационного эффекта. Если ранее он трактовался преимущественно как следствие концентрации производства, обеспечивающее экономию от масштаба, то сегодня мы имеем дело с феноменом «инновационной агломерации». Сосредоточение высокотехнологичных производств в ограниченном пространстве (например, в рамках инновационных кластеров) порождает не только классические эффекты локализации (общий рынок труда, специализированные поставщики), но и синергию знаний (knowledge spillovers), которая становится самостоятельным и, возможно, доминирующим фактором размещения. Механизм здесь таков: плотность коммуникаций, неформальные обмены, межфирменная мобильность высококвалифицированных кадров создают среду, в которой новые идеи генерируются и диффундируют быстрее, чем в изолированных локациях. Это порождает так называемый «эффект перелива знаний», который практически невозможно количественно измерить в традиционных моделях транспортных издержек, но который оказывает решающее влияние на локализацию креативных индустрий и наукоемкого сектора. Исследования пространственных закономерностей развития промышленности подтверждают, что кластерные структуры демонстрируют устойчивую корреляцию с более высокими показателями инновационной активности и производительности труда [6; 9].

При этом мы обнаруживаем парадоксальную, на первый взгляд, закономерность: влияние природно-климатических условий не нивелируется полностью, но трансформируется и даже в определенных аспектах усиливается. Например, в регионах Крайнего Севера развитие распределенной альтернативной энергетики становится не столько экологическим трендом, сколько вынужденной мерой, обусловленной очаговым характером размещения производительных сил и отсутствием единой энергосистемы [7]. Таким образом, природный фактор, будучи опосредованным технологическим развитием, продолжает оказывать структурирующее воздействие на хозяйственный ландшафт, но в новой, более сложной форме, связанной с адаптацией технологий к экстремальным условиям, а не с простым притяжением к источникам сырья.

Важнейшей закономерностью современного этапа, выявленной в ходе нашего анализа, выступает усиление поляризации экономического пространства. Вопреки ожиданиям, связанным с выравнивающим действием рыночных механизмов, мы констатируем нарастание пространственной неоднородности. Это обусловлено, помимо прочего, действием механизмов «кумулятивной причинности», когда первоначальные конкурентные преимущества отдельных территорий (наличие инфраструктуры, квалифицированных кадров, институтов развития) запускают процесс самоподдерживающегося роста, притягивая все новые ресурсы из периферийных районов. В результате, как отмечается в ряде работ, формируется устойчивый паттерн: ядра агломераций концентрируют функции управления, финансы и высокотехнологичные производства, в то время как периферия сталкивается с деиндустриализацией и стагнацией [4]. Это противоречит классическим постулатам о гармоничном развитии экономических районов [1–3] и требует выработки принципиально иных подходов к региональной политике, ориентированных не на «подтягивание» отстающих (что зачастую лишь консервирует отсталость), а на стимулирование их собственных точек роста с учетом новых факторов и на создание условий

для «перетока» знаний и технологий из ядер на периферию. Мы предполагаем, что в условиях новой реальности принцип «выравнивания уровней социально-экономического развития» должен быть переформулирован как принцип «обеспечения связанности и доступности», то есть создания условий, при которых периферия получает доступ к преимуществам агломераций без необходимости физической концентрации производства.

Нельзя обойти вниманием и экологическую составляющую. Нами установлено, что экологические ограничения из внешнего, экзогенного фактора, постепенно превращаются во внутренний, эндогенный фактор размещения, определяющий конкурентоспособность территорий. Ужесточение природоохранного законодательства, рост экологических требований со стороны потребителей и инвесторов, а также необходимость выполнения международных обязательств по снижению углеродного следа делают экологическую чистоту производства значимым локализационным преимуществом. Регионы, сохранившие благоприятную окружающую среду и развивающие «зеленые» технологии, становятся привлекательными для размещения постиндустриальных производств и притока человеческого капитала, в то время как территории с высоким уровнем загрязнения попадают в «ловушку» экологически устаревших отраслей, что еще больше усугубляет их периферийное положение. Экологический фактор начинает работать как катализатор пространственной поляризации.

Полученные нами результаты вступают в определенное противоречие с традиционными представлениями о принципах размещения, изложенными, в частности, в фундаментальных учебных курсах по экономической географии. Если ранее доминировал тезис о необходимости приближения производства к источникам сырья и районам потребления как о незыблемом принципе рациональной организации [1; 2], то современная реальность демонстрирует, что пространство «сжимается» благодаря развитию транспорта и логистики, но одновременно «расширяется»

из-за роста значимости труднокодифицируемого знания и институциональных барьеров. Дискуссионным, на наш взгляд, является вопрос о сохранении примата материальных факторов. Данные исследований свидетельствуют о том, что в обрабатывающей промышленности сырьевой фактор сохраняет значение лишь для ограниченного круга производств (например, первичная переработка), тогда как для большинства высокотехнологичных отраслей критически важными становятся качество человеческого капитала и наличие исследовательской инфраструктуры. Мы солидаризируемся с позицией авторов, указывающих на то, что агломерационная экономия сегодня возникает не столько из совместного использования транспортных сетей, сколько из возможностей для вертикальной интеграции и снижения транзакционных из-

держек в условиях плотной институциональной среды [4; 10]. Более того, необходимо признать, что категория «научно-обоснованной специализации» экономических районов [3] наполняется новым содержанием: специализация формируется не столько директивно, сколько эволюционно, под влиянием процессов пространственной селекции и сортировки гетерогенных фирм, что убедительно показано в современных микроэкономических исследованиях локализационных процессов [5]. Мы приходим к выводу, что традиционные принципы, отражая определенный исторический этап, сегодня требуют не отбрасывания, а диалектического снятия (*Aufhebung*), то есть включения в более сложную систему координат, где они выступают частными случаями более общих закономерностей самоорганизации экономического пространства.

Библиографический список

1. *Керашев М. А.* Экономика промышленного производства : учебник. – Краснодар : Печатный двор Кубани, 1998. – 173 с.
2. *Магомедов М. Д., Заздравных А. В., Афанасьева Г. А.* Экономика пищевой промышленности : учебник. – М. : Дашков и Ко, 2010. – 232 с.
3. *Экономическая и социальная география России : учебник / под ред. А. Т. Хрущева.* – М. : Дрофа, 2001. – 672 с.
4. *Brandt L., Kambourov G., Storesletten K.* Barriers to Entry and Regional Economic Growth in China // *The Review of Economic Studies.* – 2026. – Vol. 93, no. 1. – P. 286–326. – DOI: [10.1093/restud/rdaf029](https://doi.org/10.1093/restud/rdaf029).
5. *Grover A., Lall S. V., Maloney W. F.* Place, Productivity, and Prosperity: Revisiting Spatially Targeted Policies for Regional Development. – 2022. – DOI: [10.1596/978-1-4648-1670-3](https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1670-3).
6. *Identifying and Mapping Industrial Districts Through a Spatially Constrained Cluster-Wise Regression Approach / J. Canello [et al.]* // *Journal of Regional Science.* – 2025. – Vol. 65, no. 2. – P. 312–335. – DOI: [10.1111/jors.12743](https://doi.org/10.1111/jors.12743).
7. *Lebedeva M. A.* The state and prospects of renewable energy development in the regions of the Far North of Russia // *Problems of Territory's Development.* – 2021. – Vol. 25, no. 4. – P. 139–155. – DOI: [10.15838/ptd.2021.4.114.8](https://doi.org/10.15838/ptd.2021.4.114.8).
8. *Petrov A., Poltarykhin A., Alekhina N.* The relationship between religious beliefs and coping with the stress of covid-19 // *HTS Theologiese Studies.* – 2021. – Vol. 77, no. 1. – a6487. – DOI: [10.4102/hts.v77i1.6487](https://doi.org/10.4102/hts.v77i1.6487). – EDN YDXXSC.
9. *Shaping industrial spatial density: How floor area ratio varies across regions and sectors in Zhejiang, China / F. Tu [et al.]* // *PLoS ONE.* – 2026. – Vol. 21, no. 3. – DOI: [10.1371/journal.pone.0343089](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0343089).
10. *Zhao C., Liu Z.* Administrative centers and firms location decisions // *Finance Research Letters.* – 107722. – Vol. 84. – DOI: [10.1016/j.frl.2025.107722](https://doi.org/10.1016/j.frl.2025.107722).